

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125

ИРОНИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А. Горностаева

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, 119034, Москва, Россия

Статья посвящена сопоставительному анализу дискурса российских, британских и американских политиков. Целью работы является определение современных тенденций в употреблении иронических метафор, обусловленных изменениями в современном политическом дискурсе. Принимая во внимание тот факт, что политические жанры разнообразны и не всегда поддаются четкой классификации, в данной статье за основу принято деление на первичные, вторичные, а также фольклорные политические жанры (Базылев 2005, Шейгал 2000). В статье рассматриваются вторичные и фольклорные политические жанры, так как ирония для них характерна. Материалом исследования явились высказывания видных государственных деятелей России, США и Великобритании: В.В. Путина, С.В. Лаврова, D. Trump, B. Obama, N. Farage, B. Johnson и др. Опираясь на работы по политическому дискурсу (Будаев 2010, Чудинов 2001, Beard 2001, Charteris-Black 2005, Lakoff 2003, Ponton 2016, Ryshina-Pankova, Quam 2016, Van Dijk 2009) и развивая дискурсивный подход к исследованию иронии, которая часто передается метафорой (Шилихина 2008, Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005), автор выявляет понятийные сферы, являющиеся наиболее активными источниками современных метафор. Это позволило установить закономерность между возникновением новых политических течений и появлением новых метафор, а также появлением нового иронического смысла уже существующей метафоры. Проведенный анализ позволил сделать вывод о высокой частотности употребления иронических метафор в современном политическом дискурсе, в том числе агрессивного характера, и о разнообразии их функций. Сопоставительный анализ выявил особенности употребления метафор в русском, английском и американском политическом дискурсе, обусловленные как индивидуальными характеристиками речи отдельных политиков, так и этнокультурными особенностями дискурса.

Ключевые слова: ирония, политический дискурс, метафора, лудическая функция, эмоции

1. ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике все более возрастает интерес к дискурсивным характеристикам языка. Это проявляется в выделении различных типов дискурса, среди которых важное место занимает политический дискурс. Это объясняется тем, что специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере.

Политическому дискурсу посвящено значительное количество работ современных лингвистов. В центре внимания исследователей — политический дискурс-анализ (Ponton 2016; Van Dijk 2009 и др.), речевые портреты отдельных политиков: В.В. Путина (Алышева 2012), А.А. Навального (Бычков 2014), Б. Обамы — (Иванова 2017; Липко, Антипьева 2014; Садуов 2012), Д. Трампа (Hall, Goldstein, Ingram 2016; Ryshina-Pankova, Quam 2016), Х. Рухани (Mirzaei и др. 2017) и других государственных деятелей. Отдельное внимание уделяется этнокультурным осо-

бенностям политического дискурса России (Базылев 2005; Вайс 2008; Рябова 2006; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Chudinov, Solopova 2015), США (El-Zawawy 2017, Gornostaeva 2016; Lewis 2006), Великобритании и США (Charteris-Black 2005), австралийскому политическому дискурсу (Young 2007) и т.д.

За последние годы политический дискурс претерпел значительные изменения. С одной стороны, он приобрел достаточно агрессивный характер, с другой стороны, по своим характеристикам приближается к ток-шоу, цель которого — веселить и развлекать аудиторию. Исследователи отмечают такие характерные особенности современного политического дискурса, как деструктивность (Волкова, Панченко 2016, Озюменко 2017), агональность (Шейгал 2000а), театральность (Шейгал 2000б), развлекательность (Горностаева 2014; Fialkova, Yelenevskaya 2013), ироничность (Шилихина 2011; Gornostaeva 2016).

Ирония в политическом дискурсе часто выражается в форме метафоры, представляющей собой обширное поле для исследования (Будаев, Чудинов 2006, 2008; Чудинов 2003; Lakoff 2003). В данной статье рассматриваются современные метафоры российского, британского и американского дискурса, выявляются понятийные сферы, являющиеся их источниками, анализируются функции иронических метафор, проводится их сопоставительный анализ. Материалом исследования послужили публичные выступления государственных деятелей и интервью с политиками России, Великобритании и США с 2011 по 2017 год, а также высказывания о политике и политиках деятелей культуры и искусства. Источниками являются телевизионные передачи и интернет-ресурсы. При анализе иронических метафор были использованы описательный, сравнительный, количественный и стилистический методы исследования.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

Политический дискурс в современном мире приобретает все более широкое толкование. Его понимание тесно связано с характеристиками политики как социального явления. Политика ассоциируется с активными социальными действиями, с принятием решений, с категорией гегемонии, мощью и силой: “Politics is the realm of the decision, of action in the social world... the category of hegemony... politics is an act of power, force and will” (Critchley 2002). Соответственно, дискурс политики наделен теми же особенностями.

В современном мире понимание политического дискурса претерпело некоторые изменения. Если несколько десятилетий назад его определение сводилось к инструменту в борьбе за распределение власти (Зеленский 1996), коммуникации, имеющей своей целью завоевание и удержание политической власти (Баранов, Казакевич 1991) (при этом концепты «власть» и «политик» понимались как базовые (Гаврилова 2002), то более поздние работы в этой области трактуют язык политики как иерархическую структуру (Каримова 2006), состоящую из первичных жанров (составляющих основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т.д) и вторичных жанров (жанров бытового общения — комментирования, обсуждения, интерпретации, т.е. реакции на действия) (Шейгал 2000а). Исследователи говорят о фольклорном понимании политического дискурса (а именно

некоторых из его вторичных жанров) и относят в эту группу канцелярит и мат, частушки и анекдоты о политике (Базылев 2005).

Таким образом, политический дискурс характеризуется значительным спектром жанров, однако лишь некоторые из них к настоящему моменту получили детальную характеристику. Исследователи предпринимают попытки разграничить политический дискурс на группы, принимая во внимание цели, функции, состав участников и даже языковую картину мира, характерную для сознания говорящих. Например, можно говорить о жанре советского политического анекдота (Шмелева, Шмелев 2002), анекдота 70-х годов, памфлета политического, партийной программы, политической антирекламы, предвыборной речи (Дементьев 2010) и других.

Такое широкое понимание политического дискурса предполагает явление, которое имеет гораздо большее частотное проявление в социуме по сравнению с другими типами дискурсов и не поддается однозначному определению. Это объясняется тем, что, во-первых, сама категория политики в настоящее время не обладает четкой дефиницией, во-вторых, выделение политического дискурса по совокупности узко лингвистических признаков не представляется возможным.

Тем не менее, политический дискурс начинает играть все более значимую роль в политике для достижения определенных политических целей. Исследование политического дискурса является важным направлением современной прагматики языка и социолингвистики; эта проблематика находится в центре интереса социальных и философских наук. Социально значимым является исследование языковых средств, используемых в целях манипуляции, дискриминации в дискурсе тех или иных идеологических систем. Сторонники критического дискурс-анализа (Bilgic 2007, Fairclough 1996, Lemke 2007, Van Dijk 2009, Wodak 1997) и др. утверждают, что наряду с влиянием политической ситуации на политический дискурс, существует и обратная связь: дискурс формирует политику и определенным образом влияет на изменение обстановки в мире: “being influenced by policy at the same time a politician “does” such policy” (Van Dijk 2009: 86). Поскольку политическое общение всегда идеологизировано, критический дискурс-анализ имеет важное социальное значение для выявления лингвистически релевантных способов конструирования версий социальной реальности в интересах различных политических субъектов, выступая как инструмент нейтрализации, повышения защиты от манипуляции.

3. МЕСТО ИРОНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос об уместности иронии и юмора в политике долгое время не привлекал значительного внимания. Понятие «политический юмор» в отечественной науке стало разрабатываться сравнительно недавно. Оно вошло в научный оборот в политико-социологических исследованиях во второй половине 1990-х. Юмор был определен как «родовое понятие, включающее в себя сатиру, иронию, шутку, пародию, и т.д.» (Дмитриев 1996: 7), были выделены основные направления и содержание социологии политического юмора, его основные объекты и субъекты, приемы, а также социальные функции. Дальнейшие исследования подтвердили основную функцию политического юмора как желание человека уйти от неприят-

ной ему реальности, освободиться не только от внешней цензуры, но прежде всего от внутреннего цензора, от страха перед авторитарным запретом, перед властью.

Использование иронии в политическом дискурсе в некоторых лингвокультурах является устойчивой исторически сложившейся характерной особенностью. Так, английские политические дебаты во все времена отличались остроумием, а английский парламент всегда представлял собой место, где искусные ораторы соревновались в красноречии.

Политика была и остается темой для сатирических и пародийных произведений. Один из наиболее ярких примеров сатиры на британскую политику можно видеть в «Путешествии Гулливера» Дж. Свифта, впервые опубликованном в 1726 г. Исследователи политической сатиры указывают на отрывок книги, описывающий нравы при дворе короля Лилипутии: подчиненные получают награды за ‘leaping and creeping’ (прыжки через палку, которую держит король, или ползание под ней), что аналогично лестии и лицемерию в британском правительстве того времени (Beard 2001: 9).

В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Исследователи современной политической речи подчеркивают, что юмор, ирония и сарказм — неотъемлемый элемент политического дискурса (Яковлева 2009). Политический дискурс, освещающий события и факты в ироническом ключе, ориентирует аудиторию на активное переосмысление политических реалий, на отказ от политического конформизма; из пассивного потребителя информации адресант превращается в активного интерпретатора.

В качественной публичной речи непременно учтен баланс между серьезной и развлекательной составляющей, что подразумевает отступление от темы, введение в текст иронических и юмористических высказываний, анекдотов, ссылок на курьезные исторические эпизоды. Умело использованная ирония делает политический дискурс более ярким, насыщенным и убедительным, а ироничный политик владеет искусством манипулирования общественным мнением лучше, чем оратор, обходящийся без иронии.

Ирония способна проникать во все речевые акты и почти во все речевые жанры, подобно тому как она может проникать во все виды тропов, сплошь и рядом образуя ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту и сравнение, как замечают исследователи (Ермакова 2014: 75). Ее частотность, выбор иронического механизма и языковых средств выражения определяется не только политическим жанром, но и социальным статусом говорящих, их культурным уровнем и национальным колоритом.

4. МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафора — важное и часто употребляемое в политическом дискурсе экспрессивное средство. По замечанию специалистов в отечественной метафорологии, «метафора — это своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества» (Будаев, Чудинов 2008: 10). Следовательно, политическая метафора — это целый комплекс «зеркал», отражающих разные аспекты жиз-

ни общества: ментальный мир человека и общества в целом; представления людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов; представления о сфере-магните метафорической экспансии (там же). Метафорическая модель позволяет представить сложную проблему как «простую и хорошо знакомую, выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» (Чудинов 2001б: 26—27). Метафора отражает особенности национального менталитета, стереотипные представления и указывает на «болевые точки» общества, сферу конфликтов.

Исследование политических метафор имеет большое значение. В политической лингвистике выделяются три группы объектов когнитивного анализа:

- 1) сферы — источники метафорической экспансии (война, театр, человек, неживая природа, растения, животные, спорт, болезнь, монархия, семья, школа и т.д.);
- 2) сферы — мишени метафорической экспансии (политика, партия, государство, президент, выборы, парламент, экономика, инфляция, терроризм и т.д.);
- 3) базисные когнитивные структуры (мы/они, свои/чужие, хорошие/плохие и т.д.) (Будаев Чудинов 2008).

Исследователи политической метафоры (Будаев, Чудинов 2006, 2008) называют ее основным источником всего политического медиадискурса, включающим в себя прессу, радио, телевидение, и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях.

Существуют так называемые архетипичные метафоры (archetypal metaphors), которые используют образы, актуальные в любую эпоху. Во все времена популярны были образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Что касается политической метафоры последних десятилетий, то существует пять основных групп, служащих ее сферами-источниками:

- антропоморфная метафорика;
- природоморфная метафорика;
- социоморфная метафорика;
- артефактная метафорика;
- идеоморфная метафорика (Будаев, Чудинов 2008).

Каждая новая политическая эпоха, характеризующаяся изменением системы ценностей, влечет за собой появление новых базисных метафор, основанных на актуальных в то или иное время принципах. Если проследить историю развития метафор в российском политическом дискурсе, то наблюдается переход от центрального концепта семьи (братских народов) и отеческой заботы (эпоха 70-х годов) к театральной и криминальной метафоре (90-е годы) с разыгрыванием трагедий, комедий и фарсов на фоне острой криминогенной обстановки. В конце XX века прочное место в языке занимает спортивная метафора (Чудинов 2001б), а начало XXI знаменуется острыми и едкими метафорами, вводимыми в обиход политическими лидерами. Так, Президент России осудил тех, кто «шакалит у иностранных

посольств», и посоветовал иностранным энтузиастам не совать «сопливый нос в российские дела». К числу весьма показательных относится совет президента России зарубежным оппонентам перестать учить нас демократии, а переключиться на «обучение кулинарному искусству собственных жен» (цит. по: Будаев, Чудинов 2008: 16), а также неологизм «политическая шизофрения», характеризующий обвинение США в адрес Дональда Трампа и Сергея Лаврова, якобы обменявшихся секретными сведениями («Новости» 1 канал 17.05.2017).

Отвечая накалу страстей на политической арене, метафора становится все жестче и агрессивнее: например, во время телевизионной дискуссии В.В. Жириновский обозвал Николая Гоца (доверенное лицо кандидата в президенты Богданова) «придурком, подонком и сумасшедшим», замахнулся на него микрофоном и вытолкал со словами, обращенными к своему телохранителю: «Олег, выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй в коридоре!» («Комсомольская правда», 22.02.2008. с. 19).

Жесткость подобной метафоры (*расстрелять в коридоре*) объясняется не только накалом эмоций российского политического дискурса, но и индивидуальными особенностями оратора, склонного к деструктивному типу поведения.

В англоязычном политическом дискурсе последних десятилетий центральное место занимают военные метафоры (по Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне всегда включает в себя Героя, Жертву, Злодея и Злодеяние (Lakoff 2003). Так, милитарная метафорика составляла ядро речей М. Тэтчер, в которых экономические отношения представлялись сражениями, политические оппоненты и социальные проблемы — врагами и т.д.

Для изображения врагов часто используется зооморфная метафора, где оппозиция «свой—чужие» представлена образами животных. Так, «не-наши» принимают образ крыс, пауков и ползучих гадюк, в то время как «наши» ассоциируются с благородными животными и птицами: львом, орлом, соколом и т.д. (Вайс 2008). Такое представление характерно в основном для российского политического дискурса, традиционно жестко подавляющего оппонентов. Пресса часто использует образы человекоподобных существ, которые наделяются определенными характеристиками и даже имеют имена (например, «Дядя Сэм»). Р. Челен, автор термина «геополитика», еще столетие назад писал, что эти существа находятся друг с другом в дружественных или во враждебных отношениях, соперничают за пространство, живут и умирают (цит. по: Будаев, Чудинов 2006).

Исследователи политической метафоры отмечают закономерное чередование метафорических бурь и метафорических затиший в национальных системах политической метафорики (Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2003). Это закономерно связано с политическими процессами в мире, периодами мира и конфронтации.

Концептуальная метафора может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием, поскольку давно замечено, что источниками метафорической экспансии являются особенно актуальные для общества реалии. Наблюдения показали (Чудинов 2001а.), что наиболее активными источниками метафор являются такие понятийные сферы, как «криминал», «болезнь», «театр», «человеческое тело», «животные», «техника», «дом», «дорога» и другие. Наиболь-

шее количество метафор заимствовано из языка военных (что не удивительно, поскольку политика часто уподобляется полю боя), где политик представляет собой своеобразную мишень для атаки (Beard 2001).

Политические метафоры часто связаны с образом врага, противника, победителя и побежденного. Тема спорта, тоже связанная с соперничеством и соревнованием, — еще один источник для политических метафор. Именно те области жизни, где победу одерживает достойный и сильный, где вопросы неуместно решать путем консенсуса и переговоров, дают наибольшее количество метафор. По оценке исследователей, наиболее плодотворными видами спорта являются бокс, бейсбол (в американском политическом дискурсе), крокет (в британском политическом дискурсе) (Gibbs 1994). Спортивная метафора ярко отражает такие концептуальные смыслы, как «соревнование», «борьба», но несет в себе меньше ожесточенности, чем военная или криминальная метафора.

Интересно, что столь значительное количество агрессивных метафор создает ложное впечатление о том, что политика невозможна без конфронтации: “The key metaphors of politics ... do not suggest that government could be achieved through discussion, co-operation, working together” (Beard 2001: 22).

5. ИРОНИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ

Политические метафоры часто содержат иронический оттенок. Например, популярный два десятилетия назад в Вашингтоне афоризм «Если бы Билл Клинтон был Титаником, утонул бы айсберг» содержит ироническую метафору: человек не только уподобляется мощной машине, он еще и, в отличие от корабля, представляется непотопляемым, т.е. способным справиться с любым публичным скандалом и с честью выйти из положения.

Иронические метафоры имеют в подтексте насмешку, критику, часто выражают эмоционально-негативное отношение к объекту иронии. Такие метафоры можно охарактеризовать как *агрессивные*. Они довольно часто используются для характеристики политических оппонентов, привлекая внимание аудитории к негативным качествам политиков. Например, несколько высказываний известных деятелей политики и культуры о кандидатах в президенты США 2016:

- (1) *Republicans must realize that scandals don't weaken Hillary Clinton, they only make her stronger. Hillary Clinton eats scandals for breakfast.* — Bill Maher. (Билл Майер: Республиканцы должны понять, что скандалы не ослабляют Хилари Клинтон, они делают ее сильнее. Хилари Клинтон ест скандалы на завтрак).
- (2) *Joe Biden brought donuts for the government employees. That is very nice. A donut and Joe Biden are very different, of course. One's a thing that Hillary Clinton's going to eat for breakfast — and the other is a doughnut.* — Craig Ferguson. (Крейг Фергюсон: Джо Байден принес пончики для государственных служащих. Как мило. Пончик и Джо Байден — совершенно разные вещи. Одно из них — это то, что Хилари ест на завтрак. А второе — пончик.) [http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes_2.htm].

В этих фразах содержатся метафоры на гастрономическую тему (съесть скандалы на завтрак, съесть Джо Байдена, Джо Байден — пончик), что показывает: на языке политических метафор «съесть» — означает победить.

Британские политики также метафорически сравниваются с едой. Например, Эд Милибанд уподобляется мороженому, которое хуже, чем ванильное: безвкусное или с дурным вкусом:

- (3) *On the ice-cream ranking this is less than vanilla... it's unflavoured... or evil-flavoured* [YouTube. David Mitchell on tax avoidance 20.02.2015.]

Российский политический дискурс также показывает пример иронической метафоры на тему еды:

- (4) *Двум президентам лучше проводить ужин без галстук. Галстуки нынче в цене... Не ровен час, слонают* [<http://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo> 2.06.14].

— говорит российский президент, намекая на странное поведение М. Саакашвили, от волнения жуящего свой галстук в эфире. Этот намек будет понятен только тем, кто смотрел подразумеваемую передачу. Ирония в данном случае основана на механизме двусмысленности, а известная метафора «ужин без галстук» наполняется новым ироническим смыслом.

Метафоры, понятийной сферой которых являются деньги, были и остаются популярными. Так, метафорическое сравнение предвыборной компании Хиллари Клинтон с «ложью стоимостью в 38 миллионов долларов» несет в себе ноту язвительной иронии в устах ее оппонента Дональда Трампа:

- (5) *I don't think I ever heard so many horrible, horrible things said about me in one week. 38 million dollars worth of horrible lies.* (Думаю, я никогда не слышал столько лжи о себе в течение одной недели. Наврали на 38 миллионов долларов.) [YouTube. Donald Trump VICTORY SPEECH, Press Conference After Winning Mississippi, Michigan. March, 9, 2016].

Агрессивная метафора на тему терроризма звучит в обращении консерватора Найджела Фаража, сторонника Брексита, к Евросоюзу:

- (6) *You are behaving like mafia. You think we are a hostage. We're not. We are free to go.* (Вы ведете себя как мафия... Вы думаете, мы — заложники. Но мы не заложники. У нас есть право уйти) [YouTube. Nigel Farage — EFDD — UKIP Group — EU Parliament Speech 05.04.2017].

Любопытно, что, когда президент Европарламента находит эту фразу неприемлемой, Фараж иронично отвечает, что лучше заменить «мафию» на «бандитов». Таким образом, формально он выполняет рекомендацию, но суть остается прежней.

- (7) President. *You say this parliament is like mafia... I find it unacceptable.*
Farage. *I do understand your sensitivity and I will change it to gangsters.*
(Президент. Вы говорите, что парламент похож на мафию... Я нахожу это неприемлемым.
Фараж. Я понимаю, это вас обидело. Пусть будет не мафия, а гангстеры.)

Любопытны метафоры — ярлыки, которые возникают как насмешливые прозвища, а со временем приобретают новый, положительный оттенок. Такое произошло с прозвищем 'Iron Lady', первоначально содержащим указание на негибкость и узорность взглядов М. Тэтчер. Какое-то время спустя метафора наполнилась новым смыслом и превратилась в символ настойчивости и решительности. Убежденные

сторонники того или иного политического режима приобретают такие ярлыки, как ‘Reaganomics’, ‘Thatcherite’, ‘Blairite’, которые указывают на приверженность (иногда чрезмерную и недальновидную) определенным взглядам.

Интересно, что возникновение новых политических течений очень часто предопределяет появление новых метафор, а иногда происходит наделение уже существующей метафоры новым ироническим смыслом. Например, в 80-х годах раскол консервативной партии Великобритании привел к тому, что сторонники политики М. Тэтчер стали называть своих оппонентов “wets” (по аналогии с обидным прозвищем, которым дети дразнят своих недостаточно смелых ровесников). Соответственно, возник и термин с противоположным смыслом — “dry”, которым приверженцы линии Тэтчер именовали себя. Эти метафоры так прижились, что противники перестали видеть оскорбление в термине “wets”, и он прочно закрепился в политическом языке, утратив негативную коннотацию.

Исследователи замечают, что характерной чертой языка политической коммуникации является потеря негативного смысла и утверждение в нейтральном значении слов, первоначально наполненных оскорбительным смыслом: “This repeated a common feature of political language — terms of abuse become established and lose their negativity” (Beard 2001: 7). То же произошло с названием партии консерваторов — Тори. Изначально это слово использовалось английскими поселенцами в Ирландии в отношении агрессивно настроенных ирландцев, потом приобрело метафоричное значение, когда стало употребляться в уничижительном значении применительно к некоторым членам Британского парламента XVIII века. Со временем термин утратил пейоративную окраску и стал официальным названием политической партии.

Как правило, возникновение таких иронических прозвищ связано с макроконтекстом — ассоциацией событий вокруг той или иной знаменитости с известной ситуацией в прошлом. Например, когда стала известна склонность к алкоголизму брата президента Картера Билли, эта история получила название «Биллигейт» (по аналогии с «Уотергейт»). Скандал вокруг любовной связи Принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз вошел в историю под именем «Камиллагейт», а распущенное поведение президента Билла Клинтона было названо «сексгейт».

Остроумные ораторы изобретают новые ярлыки, которые «приклеиваются» к их оппонентам надолго. Так, Дональд Трамп изобрел прозвища для своих конкурентов в предвыборной гонке 2016 г.:

- (8) *Jeb Bush is low energy, Ben Carson is super low energy.* [YouTube. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD. 3.02.2016]. (Джеб Буш — мало энергии, Бен Карсон — супермало энергии).

В последнем прозвище прослеживается ирония сопоставления несопоставимого — «супер» и «мало». Любопытно, что для российского президента Трамп изобрел необходимое, но яркое прозвище: “*tough cookie*” — крепкий орешек.

Ярлыки-прозвища изобретают не только политики для своих оппонентов, но и журналисты, комментирующие события в мире. Например, интересная метафора была предложена британским телеканалом Би-Би-Си для характеристики нового президента Франции Э. Макрона:

- (9) *The old wine in a shiny new bottle* [Who is Emmanuel Macron? BBC News 8.05.17]. (Старое вино в блестящей новой бутылке).

Ироничность заключена в подтексте: за многообещающей внешностью и напыщенными речами скрывается прежняя сущность.

В иронических метафорах может быть использована игра слов. Например, Хиллари Клинтон иронически назвала сторонников Трампа *basket of deplorables*, а свой электорат — *basket of adorables*. Существительного *deplorables* в английском языке до сих пор не существовало, а в сочетании с *basket*, оно может переводиться как «ведро отбросов» (имеются в виду расисты, сексисты, гомофобы, ксенофобы, исламофобы и т.д.). Противоположность этому — *adorables*, имеет похожее звучание, но при переводе игра слов теряется. *Adorables* — это любимчики, «очаровашки», которые собраны скорее в букет, чем в ведро.

Значительное место в современном политическом дискурсе занимают *развлекательные метафоры*, призванные развеселить публику, сделать выступление политика более запоминающимся и ярким. Из наиболее известных развлекательных метафор российских политиков можно привести высказывания Г.А. Зюганова:

- (10) *Как теперь называть Городской Отдел Полиции? ГОП? А гаишников? ГОП-СТОП?*
- (11) *Ельцин все больше превращается в дубину господина Чубайса.*
[<http://www.aphorisme.ru/by-authors/zyuganov/?q=11717>].

Данные метафоры (*гон-стоп*, *дубина Чубайса*) основаны на механизме двусмысленности, так как требуют знания макроконтекста для интерпретации.

Быстро меняющаяся политическая ситуация дает повод для появления новых ярких метафор, таких как *отпентагонить* и *бросить* (бросить государства разоренными, потерявшими суверенную власть, со слабой экономикой — официальный представитель МИД РФ Мария Захарова в Facebook 29.03.2017); *мыло с запахом рубля* (о необходимости платить налоги — глава Кемеровской области Аман Тулеев 2015 г.), *придет весна — пойдет крапива* (о способах выжить в кризис — мэр Вологды Евгений Шулепов 2015 г.) и т.д.

Американские и британские политики также изобретают немало количество развлекательных метафор. Так, в 2011 году президент США Барак Обама высмеял возможность Трампа баллотироваться в президенты, предположив, что если тот придет к власти, его будут занимать «вопросы, которые действительно имеют большое значение», например: была ли наша высадка на луне сфабрикована? Что на самом деле случилось в Розуэлле¹? И где Бигги и Тупак²?:

- (12) *He can finally get back to focusing on the issues that matter, like: did we fake the moon landing? What really happened in Roswell? And where are Biggie and Tupac?*
[pic.twitter.com/oLchlBVxbP 2011].

¹ Город на юго-западе США. Мировую известность город приобрел в связи с «Розуэлльским инцидентом» 1947 года, одним из наиболее известных происшествий, рассматриваемых как обнаружение неопознанных летающих объектов (НЛО).

² Документальный фильм «Бигги и Тупак» режиссера Ника Брумфилда рассказывает о двух рэперах, чья гибель до сих пор окутана тайной.

Ирония заключается в словосочетании *issues that matter*, которое имеет противоположный смысл: говорящий хочет подчеркнуть, что Трамп занимают абсолютно не важные для страны вопросы. Метафоры *Roswell, Biggie and Tupac* изначально обозначающие «нечто загадочное, мистическое», приобретают иронический оттенок и новое значение: то, что не заслуживает внимания. Таким образом, ирония содержит острую критику.

Хилари Клинтон, критикуя своего оппонента во время предвыборных дебатов, использует двусмысленную иронию:

- (13) *People look at the Statue of Liberty and they see a proud symbol...a beacon of hope for people around the world. Donald looks at the Statue of Liberty and sees a four. Maybe a five if she loses the torch and tablet and changes her hair.* (Люди смотрят на статую свободы и видят гордый символ... маяк надежды для всех, живущих на Земле. Дональд смотрит на статую свободы и видит: «...на четверочку. Может быть, на пятерку, если она уберет свой факел и шляпу и сменит прическу») [YouTube. Al Smith dinner October, 20 2016].

Статуя Свободы, метафорически воплощающая мечту людей, в глазах Трампа (по словам его политического оппонента) уподобляется участнице на конкурсе красоты в ожидании оценки жюри. Для понимания критики и насмешки, заключенной в иронии Клинтон, необходимо знание экстралингвистической ситуации — нелицеприятные факты из биографии Трампа о его отношениях с женщинами. Эта метафора не только критикует Трампа, но и вносит элемент развлечения в выступление Клинтон.

О былых проступках Трампа напоминает и ироническое цитирование в высказывании А. Смита, организатора благотворительного вечера:

- (14) *Before the dinner started, Trump went to Hillary and asked how you are. She said, 'I'm fine — now get out of the ladies' dressing room'* [YouTube. Al Smith dinner October, 20 2016]. (Перед началом обеда Трамп подошел к Хилари и спросил, как она поживает. Она сказала: «Я в порядке. Убирайтесь из женской раздевалки»).

Здесь с одной стороны наблюдается сглаживание острой ситуации (недостойное поведение Трампа на конкурсах красоты) при помощи иронии, с другой — акцентирование болезненной темы. Ироническая метафора *ladies' dressing room* — подразумевает личное пространство, приватность, в которую Трампу не следует вмешиваться.

Иронические метафоры часто основаны на механизме двусмысленности, что требует от ее адресата знания экстралингвистической ситуации. Например, слова Трампа на благотворительном обеде по окончании парламентских дебатов содержат намек на собственную общительность и популярность, в отличие от своего оппонента:

- (15) *It is great to be here with a thousand wonderful people or as I call it "a small intimate dinner with some friends" or as Hilary calls it "her largest crowd of the season"* [YouTube 20 October, 2016. Al Smith dinner] (Так здорово быть здесь вместе с тысячей замечательных людей. Я называю это «небольшой обед в кругу друзей», а Хилари называет это «величайшая толпа за весь этот год»).

Известный своей эксцентричностью британский министр иностранных дел Борис Джонсон (в прошлом мэр Лондона) в разговоре с арабскими послами сравнивает высочайший небоскреб Шард с гигантской коктейльной палочкой, торчащей из колоссального размера маринованной луковицы:

- (16) *You have to look at the skyline of London with the Shard poking through like a gigantic cocktail stick through some super colossal pickled onion to see the extent of Arab investment* [YouTube. Boris Johnson jokes with Arab ambassadors 13.10.2016]. Это сравнение, по его словам, указывает на размах арабских инвестиций в британскую экономику, но сами метафоры (коктейльная палочка и луковица) довольно ироничны и наводят на мысль о скрытой насмешке.

Ироническую метафору в людической функции использует глава МИД России Сергей Лавров в заявлении о большом количестве «pussies» в предвыборной гонке США, которое прозвучало в интервью CNN. Как пишет *Washington Post* (9 августа 2016), ведущая телеканала Кристиан Аманпур спросила у Лаврова, что он думает о «ситуации Pussy Riot» Дональда Трампа. Лавров на это ответил:

- (17) *I don't know whether I would sound decent. English is not my mother tongue. There are so many pussies around your presidential campaign on both sides that I prefer not to comment on this.* (Я не знаю, прилично ли это прозвучит. Английский не родной язык для меня. В предвыборной гонке США столько..., что я предпочитаю не комментировать).

Фразу сложно перевести на русский язык из-за иронической игры слов: английское *Pussy* имеет много значений, одно из которых — «женский половой орган», другое — «слабак, мямля». Сочетание этих значений создает иронический эффект, выражает отношение говорящего к американским выборам и обозначает его позицию в данном вопросе. В любом случае можно говорить о рождении новой английской иронической метафоры, автором которой является министр иностранных дел РФ.

Политические пародии — жанр, высмеивающий конкретных личностей и ситуации и особенно часто использующий иронические метафоры. В свете последних высказываний Дональда Трампа (лозунг «Америка прежде всего» — *America first*), в январе 2017 г. голландские комики выпустили шуточный ролик, в котором рекламировали свою страну для Трампа: «Мы понимаем, что Америка прежде всего. Но можно Нидерланды будут сразу после нее?»

- (18) *We totally understand it's going to be America first but can we just say the Netherlands second? Is that okay?*

Ролик содержит множество шуточных ссылок на заявления и стиль речи самого Трампа, например:

- (19) *We built an entire ocean... an entire ocean between us and Mexico. This ocean it is so big you can see it from the Moon. And we made the Mexicans pay for it. It's true* (Мы построили целый океан... целый океан между нами и Мексикой. Он такой большой, что его можно увидеть с Луны. И мы заставили мексиканцев заплатить за него. Это правда). [Meduza 19:50, 6 февраля 2017].

Метафора *ocean* в данном тексте соотносится со стеной, которую Трамп обещал воздвигнуть на границе США и Мексики за счет мексиканцев.

Таким образом, во всех рассмотренных дискурсах для образования метафор используются схожие понятийные сферы — война, бандитизм, еда, деньги, секс и т.д. Функции, выполняемые ироническими метафорами, разнообразны — это, с одной стороны, нападение, насмешка, критика; с другой стороны — минимизация дистанции между говорящим и аудиторией, самовыражение автора, развлечение публики.

6. ВЫВОДЫ

Поскольку за последние десятилетия политический дискурс претерпел значительные изменения и приобрел черты развлекательного ток-шоу, на современном этапе требуются все более разнообразные языковые средства для выражения коммуникативной интенции автора. В современном политическом дискурсе ирония является не только уместной, но и неотъемлемой характерной чертой, которая делает речь политиков яркой, эмоциональной и убедительной. Иронические метафоры, используемые в политическом дискурсе, выполняют разные функции — от критики до увеселения и могут являться по своей сути агрессивными или развлекательными. Отдельное внимание следует обратить на метафоры-ярлыки, которые могут со временем менять коннотацию с негативной на позитивную.

Метафоры могут быть ироническими изначально, с момента своего появления, или приобретать иронический оттенок в свете меняющейся политической ситуации и условий дискурса.

Иронические метафоры часто имеют в основе двусмысленность и требуют знания макроконтекста для их понимания. Это касается как российского, так и англоязычного дискурса.

Частотность употребления иронических метафор, их эмоциональная насыщенность во многом зависят от индивидуальных особенностей ораторов (и их спичрайтеров), но также имеют некоторые этнокультурные особенности. Так, английский политический дискурс является традиционно ироничным, с частым использованием иронии в функции развлечения, смягчения остроты ситуации. Более прямолинеен и критичен американский политический дискурс (с использованием иронических метафор в функции насмешки, критики). Российский политический дискурс, находящийся на этапе становления, слабо владеет этикой цивилизованных дебатов и часто прибегает к метафорам агрессивным, даже оскорбительным. Тем не менее, это наблюдение касается самой общей картины, так как каждый новый яркий оратор, появляющийся на современной политической арене, вносит в политический дискурс свой индивидуальный вклад.

© А.А. Горностаева, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алышева Ю.С. Речевой портрет В.В. Путина // *Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2. Языкознание*. 2012. № 2 (16). С. 171—174. [Alysheva, Yu. S. (2012). Rechevoi portret V.V. Putina. *Vestnik volgogradskogo gos. Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2 (16), 171—174. (In Russ.)]

- Базылев В.Н. Политический дискурс в России // *Политическая лингвистика*. 2005. Выпуск 15. С. 5—32. [Bazylev, V.N. (2005). Political discourse in Russia. *Political Linguistics*, 15. (In Russ.)]
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации*. М.: Знание, 1991. [Baranov A.N., Kazakevich Ye.G. (1991) *Parlamentnskie debaty: traditsii i novatsii*. Moskva, Znanie. (In Russian).]
- Бронников И.А. Политическая коммуникация и современность // *Юридические исследования*. 2013. № 4 С. 66—88. [Bronnikov, I.A. (2013). Politicheskaya kommunikatsiya i sovremennost'. *Yuridicheskie issledovaniya*, № 4, 66—88. (In Russ.)]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*. Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2006). *Metafora v politicheskom interdiskurse*. Monografiya. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.)]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Зарубежная политическая метафорология* / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. [Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* Budaev E.V., Chudinov A.P. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.)].
- Бычков П.А. Психологический портрет Навального Алексея Анатольевича. [http://politkavkaz.ru]. 2014. [Bychkov, P.A. (2014). *Psikhologicheskii portret Naval'nogo Alexeya Anatol'evicha* URL: [http://politkavkaz.ru]. (In Russ.)]
- Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // *Политическая лингвистика*. 2008. № 25. [Weiss, D. (2008). Animals in Soviet propaganda: verbal and graphic stereotypes. *Political linguistics*, 25. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178. [Volkova, Ya.A., Panchenko, N.N. (2016). Destructiveness in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20, № 4, 161—178. (In Russ.)]
- Гаврилова М.В. *Лингвистический анализ политического дискурса*. 2002. URL: [http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k]. [Gavrilova, M.V. (2002). *Lingvisticheskiy analiz politicheskogo diskursa*. URL: [http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k]. (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 3. С. 64—74. [Gornostaeva, A.A. (2014). Irony in political discourse: aggression or entertainment? *Russian Journal of Linguistics*, 3, 64—74. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры). [Dement'ev, V.V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov (Theory of Speech Genres)*. Moskva: Znak, (In Russ.)]
- Дмитриев А.В. *Социология юмора*. М.: Издательство РАН, 1996. [Dmitriyev A.V. (1996). *Sotsiologiya yumora (Sociology of humour)*. Moskva, Izdatel'stvo RAN. (In Russ.)]
- Ермакова О.П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // *Жанры речи*. Калуга, 2014. 1—2 (9—10). С. 74—80. [Yermakova, O.P. (2014). Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? (eshcho raz o nekotorykh osobennost'akh ironii) (Is Irony a speech genre?). *Zhanry rechi*, 1—2 (9—10), Kaluga, 74—80. (In Russ.)]
- Зеленский В.В. Послесловие к книге: В. Одайник. *Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга*. СПб.: Ювента, 1996. С. 368—380. [Zelenskiy, V.V. (1996). Posleslovie k knige V. Odainik. *Psikhologiya politiki. Psikhologicheskiye i sotsial'nye idei Karla Gustava Yunga*. Sankt-Peterburg, Yuventa, 368—380. (In Russ.)]

- Иванова С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. № 1. С. 141—160. [Ivanova, S.V. (2017). Commencement speech as hybrid polydiscursive practice. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 141—160. (In Russ.)]
- Каримова Б.С. Жанровое пространство политического дискурса // *Вестник КазНУ им. аль-Фараби*. Серия филологическая. Алматы, 2006. № 2 (92). С. 37—41. [Karimova, B.S. (2006). Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi*. Seriya filologicheskaya. Almaty. № 2 (92), 37—41. (In Russ.)]
- Липко Ю.Г., Антипьева И.А. Языковая личность Барака Обамы: взлет политической карьеры // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2014. Выпуск 2. С. 186—190. [Lipko, Yu.G., Antip'eva, I.A. (2014). Yazykovaya lichnost' Baraka Obamy: vzlet politicheskoi kar'ery. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, Vypusk 2, 186—190. (In Russ.)].
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. No 1. С. 203—220. [Ozyumenko, V. I. (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]
- Романов А.А. *Политическая лингвистика: Функциональный подход*. Москва—Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. [Romanov, A.A. (2002). *Political linguistics: functional approach*. Moskva—Tver: IYA RAN, TvGU. (In Russ.)]
- Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // *Личность. Культура. Общество*. Т. VIII. Вып. 4 (32). 2006. С. 307—320. [Ryabova, T.B. (2006). Politicheskii diskurs kak resurs “sozdaniya gendera” v sovremennoi Rossii (Political Discourse as genre creation tool on modren Russia). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Т. VIII. Вып. 4 (32), 307—320. (In Russ.)]
- Садуов Р.Т. *Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ*: монография / Р.Т. Садуов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. [Saduov, R.T. (2012). *Fenomen politicheskogo diskursa Baraka H. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz* (The phenomena of Barak H Obama's political discourse: cross-cultural and semiotic analysis). Ufa RITS BashGU. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. 2001(а) *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2001)*: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. [Chudinov, A.P. (2001a). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2001)*: monografiya / Ural. gos. ped. un-t, Yekaterinburg. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. 2001(б) Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // *Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2001, № 2. С. 26—31. [Chudinov, A.P. (2001b). Sportivnaya metafora v sovremennom rossiiskom politicheskom diskurse (Sport metaphor in Russian political discourse). *Vestnik VGU. Seriya “Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya”*, № 2, 26—31. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург, 2003. [Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* (Metaphorical mosaic in modern political communication). Yekaterinburg. (In Russ.)]
- Шейгал Е.И. 2000(а) *Семиотика политического дискурса: монография*. Москва — Волгоград: Перемена, 2000. [Sheigal, Ye.I. (2000a). *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of political discourse). Moskva—Volgograd: Peremena. (In Russ.)]

- Шейгал Е.И. 2000(б) Театральность политического дискурса // *Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр.* Саратов: Изд-во СГАП, 2000. Вып. 6. [Sheigal, Ye.I. (2000b). Teatral'nost' politicheskogo diskursa (Theatricality of Political Discourse). *Yedinitiyazyka i ikh funktsionirovanie: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Saratov, Izd-vo STAP, Vyp. 6. (In Russ.)]
- Шилихина К.М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы // *Язык, коммуникация и социальная среда.* Выпуск 6. Воронеж, ВГУ, 2008. С. 24—32 [Shilikhina, K.M. (2008). Sovremennye teorii verbal'noi ironii: osnovnye problem (Modern theories of verbal irony: key issues). *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda.* Vypusk 6. Voronezh, VGU, 24—32. (In Russ.)]
- Шилихина К.М. Ирония в политическом диалоге // *Политическая лингвистика.* 2011. № 4 (38). С. 177—182. [Shilikhina K.M. (2011). Ironiya v politicheskom dialoge (Irony in political dialogue). *Political linguistics*, 4(38), 177—182. (In Russ.)]
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. *Политический анекдот: типы коммуникативных неудач.* М.: Знание, 2002. [Shmeleva, Ye.Ya., Shmelev, A.D. (2002). *Politicheskii anekdot: tipy kommunikativnykh neudach* (Political anecdote: types of communicative failures). Moskva, Znaniye. (In Russ.)]
- Яковлева Е.М. *Ирония в политическом дискурсе.* [<http://bubook.net/book/223-politicheskaya-kommunikatsiya-chudinov-a-p/52-ironiya-v-politicheskom-diskurse.html>] 2009. [Yakovleva, Ye.M. (2009). *Ironiya v politicheskom diskurse (Irony in political discourse)* URL: [<http://bubook.net/book/223-politicheskaya-kommunikatsiya-chudinov-a-p/52-ironiya-v-politicheskom-diskurse.html>].
- Alba-Juez, L. (2014). Irony as inferred contradiction. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 139—152.
- Anikin, E.E., Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2015). Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. *Вопросы когнитивной лингвистики [Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki]*, 3 (44), 26—32.
- Attardo S. (2007) *Irony as a Relevant Inappropriateness.*/S.Attardo. Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 135—172.
- Beard, A. (2001). *The language of politics.* Taylor & Francis e-Library.
- Billig, M. (2007). Critical Discourse Analysis and the Rhetoric of Critique. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity.* Palgrave Macmillan, 35—47.
- Charteris-Black, J. (2005). *Politicians and rhetoric: the persuasive power of metaphor* (1 ed.). Basingstoke and New York: Palgrave-MacMillan.
- Chudinov, A., Solopova, O. (2015). Linguistic political prognostics: models and scenarios of future. *Procedia — Social and Behavioral Sciences.* T. 200. 412—417.
- Critchley, S. (2002). Ethics, Politics and racial Democracy: a History of a Disagreement. *Culture Machine*, vol. 4.
- Fairclough, N. (1996). *Language and power.* Longman.
- Fialkova, L., Yelenevskaya, M. (2013). *In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience.* Tartu ELM Scholarly Press.
- Gibbs, R.W. (1994). *The Poetics of Mind.* Cambridge University Press, Cambridge.
- Giora, R. (2003). *On our mind: Salience, context, and figurative language.* New York: Oxford University Press.
- Gornostaeva, A. (2016). American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 4(20), 179—196.
- El-Zawawy Amr M. (2017). Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 183—202.
- Hall, K., Goldstein, D.M., & Ingram, M.B. (2016). The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6(2), 71—100.

- Hutcheon, L. (2005). *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge.
- Lakoff, G. (2003). *Metaphor and War, Again*. www.alternet.org/story.html StoryID=15414.
- Lemke, J. (2007). Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan, 130—150.
- Lewis, P. (2006). *Cracking up. American humour in a time of conflict*. The University of Chicago Press.
- Mirzaei A, Eslami Z.R., Safari F. (2017). Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 161—182.
- Ponton, D. (2016) Movement and Meaning: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 122—139.
- Ryshina-Pankova, M., Quam J. (2016). "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 140—160.
- Van Dijk, T.A. (2009). *Society and discourse: how social contexts influence text and talk*. Cambridge University Press.
- Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis. *Discourse as Social Interaction*, Vol. 2. London: Sage Publications.
- Young, S. (2007). Political and Parliamentary Speech in Australia. *Parliamentary Affairs*, Vol. 60, No. 2, 234—252.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 июля 2017

Дата принятия к печати: 01 сентября 2017

Для цитирования:

Горностаева А.А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. No 1. С. 108—125. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125.

Сведения об авторе:

ГОРНОСТАЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего переводоведения факультета межкультурной коммуникации Московского государственного лингвистического университета. *Сфера научных интересов:* анализ дискурса, политический дискурс, прагматика, межкультурная коммуникация, перевод и переводоведение. *Контактная информация:* e-mail: annagornostaeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125

IRONIC METAPHORS IN POLITICAL DISCOURSE

Anna A. Gornostaeva

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka str., 119034, Moscow, Russia

Abstract

The article is aimed at revealing the current trends in the usage of ironic metaphors in Russian, British and American political discourse. Given the diversity of political genres, which makes it difficult to classify them, the article draws on the division into primary, secondary and folklore genres (Bazylev 2005,

Sheigal 2000). The study focuses on secondary and folklore genres, as, being informal, they presuppose the use of irony. The data was taken from the speeches of Russian, American and British political leaders (V. Putin, S. Lavrov, D. Trump, B. Obama, N. Farage, B. Johnson and others). Drawing on the works on political discourse (Beard 2001, Budaev 2010, Charteris-Black 2005, Chudinov 2001, Lakoff 2003, Ponton 2016, Van Dijk 2009) and developing a discursive approach to the study of irony which is often conveyed through metaphor (Shilikhina 2008, Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005), we have identified the conceptual spheres that are the most active sources of modern metaphors. We have traced the link between the new political trends and new metaphors, as well as existing metaphors which acquire a new ironic meaning. The results of the conducted analysis show the frequency of ironic metaphors, including aggressive ones, and the diversity of their functions in modern political discourse. The comparative analysis made it possible to reveal some peculiarities of the usage of ironic metaphors in Russian, English and American political discourse, which are presupposed by the speakers' individual characteristics as well as culture specific discursive features.

Keywords: *irony, political discourse, metaphor, functions, emotions*

Article history:

Received: 29 July 2017

Revised: 21 August 2017

Accepted: 01 September 2017

For citation:

Gornostaeva, Anna (2018). Ironic Metaphors in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 108—125. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125.

Bionote:

ANNA GORNOSTAYEVA is PhD, Associate Professor in the General Translation Department, Faculty of Intercultural Communication at Moscow State Linguistic University. *Research Interests:* discourse analysis, political discourse, intercultural communication, pragmatics, translation and interpreting. *Contact information:* e-mail: annngornostaeva@yandex.ru